

МОНАХИНЯ ЕЛЕНА

Свет фаворский на лике о. Сергия и его кончина. Надгробное слово митрополита Евлогия

В духовной собранности, с возрастающим вдохновением продолжал о. Сергий служить ранние литургии, читать лекции, общаться с духовными детьми, углубляться в исследования и изложения своего последнего труда «Опыт догматического истолкования Апокалипсиса святого Иоанна Богослова», но все острее предчувствовал он приближение конца своей жизни.

Когда в начале июня 1944 г. Лев Александрович Зандер принес ему одну из глав своей книги «Бог и мир», о. Сергий спросил его: «Придешь в Духов день?» Зандер, живший за пределами Парижа, ответил: «Постараюсь». О. Сергий — в пророческом предвидении — с мягкой настойчивостью сказал: «Приходи, это в последний раз...»

Наконец наступила памятная для всех его духовных детей годовщина рукоположения о. Сергия — 5 июня 1944 г., день Святого Духа. О. Сергий служил с большим подъемом Божественную литургию на греческом языке. Все его духовные дети причастились, а после богослужения, как обычно, пошли к о. Сергию пить чай, продолжить общение в беседе.

Многие вспоминали потом, как особенно значительна была для них эта последняя исповедь, как бы прощальная, будто в ней о. Сергий давал свое завещание и выражал главное, что хотел сказать каждому...

Нужно сказать, что к этому времени о. Сергий остался практически в одиночестве: жена была тяжело больна и лежала в соседней комнате, дочь жила за пределами Парижа, а младший сын Сережа, приехавший домой лишь на несколько дней, должен был немедленно вернуться на работу, которая с огромным трудом была найдена далеко от столицы.

Предчувствие о. Сергия сбылось: в ту же ночь его постиг удар.

Ранним утром наступающего дня, когда сестра Иоанна вошла в его комнату, она застала его лежащим без сознания поперек кровати. Дальнейший ход болезни и обстоятельства кончины о. Сергия приведем по следующему свидетельству сестры Иоанны (переданному автору для будущего опубликования): «Апофеоз Света Невечернего».

«С самого начала сорокадневной болезни о. Сергия после удара мы четверо (Елена Николаевна Осоргина, мать Бландина (Оболенская), мать Феодосия и я), ухаживавшие за ним день и ночь, сменяя друг друга, находились в каком-то особом духовном состоянии, которое трудно передать. Мы мало ели, и есть не хотелось; были бодры, почти радостны, и не отходили от него, как будто боялись что-то пропустить. Приходили люди, осведомлялись о медицинском ходе его болезни, а мы, хотя исполняли все медицинские требования чрезвычайно точно и аккуратно, и даже с каким-то вдохновением, находились как будто в другой сфере, касались потустороннего бытия, которое становилось для нас реальнее посюсторонней жизни.

На пятый день его болезни, в 5 часов утра, я сидела, как обычно, у его постели и вдруг увидела, что его лицо начало светлеть. Я тотчас же позвала остальных, и мы все вместе были свидетелями необычайного просветления его лица. Волосы его в это время, по замечанию матери Бландины (а я на это как-то не обратила внимания), как будто развевались на ветру. Она сказала: «Отец Сергей летит». Все лицо о. Сергия было сплошным светом, который, однако, не стирал черт лица и радостного его выражения...

Почти все время болезни о. Сергей лежал с закрытыми глазами, а когда он их открывал, казалось, что он во что-то всматривается. Лицо его было напряженно-сосредоточенным. А после явления света оно приобрело выражение радостного удовлетворения, как будто он нашел то, что искал. И вспомнила я, как много раз рассказывал мне о. Сергей: «Отец Павел Флоренский однажды видел во сне собрание, на котором я выступал с длинной речью. Он заметил: «Не то ты говоришь. Не словами, а смертью своей прославляешь Бога...»

Очень таинственна это сорокадневная болезнь. Сознание о. Сергия, как сказал нам врач, не было поражено ударом, но ослаблено из-за увечий, нанесенных ему раком, операциями и тем, что он не мог говорить.

Вспоминается, что о. Сергей особенно любил моменты заката в горах, когда последние лучи солнца догорали на далеких склонах и потом потухали. Это было некое явление света, хотя и физического. И так же потух свет на его лице, когда он умер. О. Сергей

скончался 30 июня (13 июля) 1944 г., в день Собора славных и всехвальных 12 апостолов.

Известно, что священникам в гробу покрывают лицо «воздухом» и не дают на него смотреть. По нашей просьбе о. Лев Липеровский снял на минуту «воздух», — но мы испытали разочарование, так как лицо о. Сергия было уже совсем чужое, не похожее на него, будто он всего себя исчерпал, всего себя отдал, пока жил, совершил все, что ему было назначено».

Приведем параллельно свидетельство матери Феодосии, опубликованное уже в 1971 г.

«...в ночь с Духова дня на вторник с о. Сергием случился удар. Первые два дня, вторник и среду, о. Сергей еще проявлял некоторые признаки сознания и узнавал кое-кого из окружающих. В четверг сознание стало угасать, а в течение последних тридцати часов, от утра пятницы до полудня субботы, о. Сергей находился в состоянии глубокого забытья, не открывал глаз, не глотал, и только тихое дыхание свидетельствовало о том, что жизнь его еще не покинула. В эти дни, следовавшие за ударом о. Сергия, все мы, его окружавшие, с трепетом внимали тайне, открывавшейся нам, в этом новом его бытии. Мы были перенесены в иной, дотоле нам неведомый план. Неподвижное тело о. Сергия, лежащее перед нами, было как бы мостом, соединявшим два мира — “этот” и “тот”. И “тот” открывался нам в такой реальности, что “этот” начинал казаться призрачным. Земная жизнь о. Сергия, так гармонично завершенная последней литургией Духова дня, переходила в другую фазу, и нам надо было увидеть тот свет, который уготовал Господь любящим Его.

Уже тридцать часов о. Сергей не приходил в себя и не проявлял никаких признаков сознания. Духовное напряжение этих последних часов было так велико, что мы четверо, ухаживающие за о. Сергием, все вместе не отходили от него, чувствуя, что присутствуем при великом духовном торжестве, и не имели силы оторваться, боясь что-то пропустить...

Лицо о. Сергия постепенно начало светлеть и озарилось таким неземным светом, что мы замерли, боясь поверить тому, что нам дано было увидеть. Ясно было, что душа о. Сергия, проходившая какие-то таинственные пути, в это мгновение приближалась к престолу Господню и была озарена светом его Славы. Почти два часа продолжалось это дивное явление. Но это мог быть и век — время для нас остановилось.

Мы присутствовали при таком несомненном озарении Духом Святым, при таком “реальном опыте святости”, который трудно было вместить.

Прошло восемнадцать дней с момента этого светоносного явления, о. Сергей еще жив, и душа его проходит какие-то божественные, ей назначенные пути, а тело томится в своей земной скованности, но как ученикам Господа дано было увидеть славу Преображения для того, чтобы понять и принять Его дальнейший Крестный путь и Воскресение¹, так и нам дано было увидеть “прославление” о. Сергия для того, чтобы вместе с ним, в смиренности и покорности, ждать часа его полного освобождения и слияния со Христом.

И верим, что, уйдя ко Господу, о. Сергей нас не покинет, но умолит Бога открыть наши сердца для принятия Духа-Утешителя, дары которого так обильно на нем изливались на наших глазах».

Таким образом, дошедшие до нас оба свидетельства о явлении света Фаворского на лике о. Сергия полностью сходятся и тем подтверждают истинность этого исключительного духовного события.

Никита Алексеевич Струве, редактор Вестника Русского Христианского Движения (Париж), основываясь на свидетельстве матери Феодосии, в своем выступлении «Достойная судьба» на Международном colloquium (1984 г.²), посвященном памяти о. Сергия, также настаивает на этом его прославлении.

О. Сергий претерпел от людей много непонимания, незаслуженных скорбей и несправедливых обид. Но несомненным фактом остается то, что Бог прославил Своего сына — мыслителя, труженика и подвижника — в присутствии четырех свидетельниц, его духовных дочерей, неизреченным озарением его лица.

Так светло и радостно отошел о. Сергий в жизнь вечную — ко Христу, Которого безгранично любил и к живому единению с Которым всегда стремился смиренным подвигом своей самоотверженной жизни, богословских трудов и священства.

Похоронили о. Сергия 15 июля 1944 г. на русском православном кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа (Sainte-Genevieve des Bois), недалеко от храма, освященного в 1939 г. в праздник Покрова Пресвятой Богородицы.

Митрополит Евлогий (Георгиевский) сказал над могилой следующее слово: «...Ты был не понят, обвинен. Быть может, это было вписано в твою судьбу, так как твое богословие являлось плодом не только твоего мышления, но также и скорбных испытаний твоего сердца... Дух Святой преобразил в душе твоей Савла в Павла. Ты был истинным христианским мудрецом, учителем жизни, поучавшим не словом только, но и всем житием своим, в котором — дерзаю сказать — ты был апостолом».

